

Постсоветская Россия в творчестве В.О.Пелевина

П.Б.Котикова / Kotikova P.B.

中國文化大學俄國語文學系 專任客座助理教授

Department of Russian Language and Literature, Chinese Culture University

【摘要】

本文分析佩列文作品中所描繪的俄羅斯在後蘇聯時期的現實狀況。

佩列文的每一部作品中主角同時存在於兩個世界，即現實生活與非現實生活中。其早期作品嘲諷蘇聯時期的生活，較晚期作品則諷刺蘇聯解體後的俄羅斯社會。描述的現實生活有時和古代連結，有時是超時空的社會。

【關鍵詞】

後現代主義、佩列文、網路、後蘇聯時期俄羅斯、批評

【Abstract】

This paper aims to analyze the reality of the Post-soviet Russian era depicted in Pelevin's works.

In each of his works, the main character co-exists in two worlds—a real and a sur-real world. Pelevin ridicules in his earlier creation the lives in the Soviet Union era and satirises in his later works the Russian society after the Union's dissolution. The real lives are sometimes connected with those in the ancient times and some other times with those in the sur-eal society.

【Keywords】

Postmodernism, Pelevin, the Internet, post-Soviet Russia, criticism

Всесторонние изменения, которые происходят в последние десятилетия в жизни России, отражаются на русской литературе. Русская проза последних десятилетий развивается в постмодернистском направлении; сам же постмодернизм, как известно, во многом обязан своим возникновением поменявшим нашу жизнь новым средствам массовой коммуникации – интернету, телевидению.

Виктор Олегович Пелевин, который часто признается наиболее популярным современным русским прозаиком¹, удивительным, но симптоматичным для его поколения образом (родился в 1962 г. в Москве) соединяет интерес к новейшим реалиям, в том числе техническим (по образованию он инженер, окончил Московский энергетический институт, но впоследствии учился в Литературном институте) – и к древней восточной философии. Очевидно, впервые восточным мистицизмом, буддизмом Пелевин увлекся в журнале «Наука и религия», где сотрудничал; сам писатель говорит о себе как о всего лишь ученике восточных философов, занимающемся практикой (впрочем, Пелевин признается, что на него сильно повлияла и отечественная классика – Чехова он начал читать лет с семи).

Классическая литература стремилась к общественно значимым целям – к поиску и выражению истины, воспитанию человека, ставила перед обществом вечные вопросы, постмодернизм же отказывает искусству в способности выразить истину. Хотя герой Пелевина всегда находится в поиске истины, но обрести её удастся не каждому, чтобы ее найти, герой перемещается из одной действительности в другую, обретает другую оболочку (сотрудники ФСБ – оборотни, коммунисты – оборотни). Главная героиня романа «Священная книга оборотня», лиса-оборотень, поменяв древний китайский мир на российскую действительность, проясняет для себя, что есть истина, в чем смысл жизни, изменения происходят под влиянием чувства любви, но, чтобы понять это, ей понадобилось 1200 лет. Как известно, лиса-оборотень получает жизненную энергию от любовного свидания с человеком. А Хули же старается отдать свою энергия человеку, которого она полюбила: «...Любовь и была ключом, которого я не могла найти. Ведь это он

¹ Пишет прозу с 1987 г., автор романов «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Generation П», «Священная книга оборотня», лауреат многих литературных премий. Романы и сборники рассказов Пелевина переведены в США, Англии, Японии, Китае, Франции и в других странах.

дал мне ключ от новой вселенной – сам не зная об этом...»². Представления о любви, основанные не на собственном опыте, а на чужих описаниях, книгах, - ложные: «Откуда мне было знать, что писатели вовсе не изображают любовь такой, какова она на деле, а конструируют словесные симулякры, которые будут выигрышной всего смотреться на бумаге... А писатели, пишущие о любви, жулики, и первый из них – Лев Толстой»³. Здесь сказалось, конечно, и убеждение в том, что «мир – только моё впечатление» (и потому личный опыт ничем нельзя заменить), и, конечно, известное отношение постмодернистов к классической литературе.

Мотив превращения - один из основных в творчестве Пелевина, и пересечение миров ни что иное, как возможность измениться. В каждом произведении герои живут одновременно в двух мирах: в мире узнаваемом и незнакомом. И в более ранних вещах Пелевина, высмеивающих советскую жизнь, и в более поздних, высмеивающих постсоветскую, современный мир соединяется с древним или вневременным. Так, в одном из первых и наиболее удачных произведений, повести «Омон Ра», советская жизнь подвергается критике, пародированию, высмеиваются символы того времени; но само каламбурное название отсылает не только к спецслужбам XX века, но и к Древнему Египту. В романе «Generation П» есть всемирный заговор, Березовский, новейшие коммерческие СМИ, причудливо соединенные с древними таинственными культами.

Образ дороги, один из важнейших в романе «Диалектика Переходного Периода. Из Ниокуда в Никуда», постоянно сталкивается с образом противоположного значения, образом тупика (отсюда и символическое название «из ниоткуда в никуда»). Вот как, например, пародируются политические теледебаты:

"– Чубайка, хотите я напомню, как в России началась новая эпоха?

– Попробуйте, Зюзя.

– Сидел русский человек в темном сарае на табуретке. Сарай был старый и грязный и ужасно ему надоел. Русскому человеку говорили, что он сидит там временно, но он в это не

² Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М, 2005. С.366.

³ Там же. С.274-275, 276.

верил, потому что помнил – то же самое говорили его деду с бабкой. Чтобы забыться, русский человек пил водку и смотрел телевизор. А по нему шли вести с полей, которые тоже страшно ему надоели»⁴. Одна эпоха сменяется другой, но ничего не меняется, власть обещает лучшую жизнь, но человеку объясняют, «что в стране сейчас кризис. ... А лучше подумать о чем-нибудь другом. Например, о том, какая у него, то есть у нее, национальная идея...». Кстати, в одном из интервью задолго до написания романа Пелевин говорил: «Национальная идея нужна не людям, а идеологам... лихорадочные поиски национальной идеи – самый яркий симптом болезни общества. Но общество выздоравливает не потому, что эту идею находят. Скорее происходит прямо наоборот – о необходимости такой идеи забывают, когда общество выздоравливает»⁵.

Герой романа «ДПП», банкир Степа, ведет дела вроде бы самым абсурдным образом: поклоняясь счастливому числу «34». Но, по мнению автора, в современной русской жизни абсурдное оправдано, а подлинным безумием оборачивается как раз здравый смысл: «Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели от черт знает от чего, что любой человек, принимавший решения на основе трезвого анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибалльного шторма»⁶. Подобным образом в этой жизни скандал, опубликованный компромат лишь придает бизнесмену «респектабельности» и т.п.

Изменения, происходящие в русской жизни, проявляются для постмодерниста прежде всего как изменения языка и фольклора. Особенности современного языка становятся в «ДПП» предметом обсуждения героев в «ДПП». Неподготовленному читателю, в особенности, иностранцу будет сложно разобраться о чем идет речь, читая следующее: «В среду наступила Степина очередь *перевести, обналичить, снять, откинуть, отмазать, отстегнуть, отогнать и откатить*»⁷. «Русский язык действительно был могуч – он делал известный маневр, соединивший в себе полную обнаженность с абсолютной

⁴ Пелевин В.О. ДПП. М, 2003. С.88.

⁵ Эксперт. №11. 1999.

⁶ ДПП Там же. С.11.

⁷ ДПП Там же. С.55.

маскировкой»⁸.

Изменения языка могут не только демонстрироваться, но и напрямую обсуждаться в самом тексте романа. В «ДПП» есть замечательный эпизод, когда посторонний наблюдатель, филолог из Лондона по имени Мюс, объясняет русскому банкиру Степе, что происходит сейчас в России, причем объясняется это через новые анекдоты, описываемые говорящей на специфическом «ученом» жаргоне. Позволю себе привести пространную цитату:

«Все существенные социальные перемены, – сказала она, – очень быстро отражаются в фольклоре. То, что происходит сейчас в России, затрагивает один глубинный, можно сказать, архетипический пласт. Я не очень сложно выражаюсь?

– Ничего, разберусь, – отвечал Степа, подхватывая вилкой колобок риса с полоской сырой туны (он ел суши только вилкой).

– Эта тема, – продолжала Мюс, – столкновение двух исконных начал русской души. Одно из них – доброе, лоховатое, глуповатое, даже придурковатое, словом, юродивое. Другое начало – наоборот, могучее, яростное и безжалостно-непобедимое. Сливаясь в символическом браке, они взаимно оплодотворяют друг друга и придают русской душе ее неиссякаемую силу и глубину... Лоховатое начало в русском городском фольклоре много лет было представлено разваливающимся «Запорожцем». А непобедимое начало – бандитским «Мерседесом-600», в зад которому «Запорожец» врезался на перекрестке, после чего и начинался новорусский дискурс... сегодня этот символический брак происходит в новой форме. Социологи еще ничего не поняли, а фольклор уже отразил случившуюся перемену. Она видна в анекдоте про шестисотый «Мерседес» и черную «Волгу». Как следует из его анализа, оба исконных начала – лоховатое и непобедимо-могучее – получили в народной ментальности новые репрезентации. Эта революция в сознании и есть парадигматический сдвиг. Я понятно говорю?

– Нормально, – сказал Степа. – А что за анекдот такой?

– Ну как же, – ответила Мюс. – Шестисотый «Мерседес» врезается на перекрестке в

⁸ ДПП Там же. С.62.

зад черной «Волге» с тонированными стеклами. Бандит выскакивает из «Мерседеса», начинает прикладом крушить стекла в «Волге» и видит в ней полковника ФСБ. «Товарищ полковник, я все стучу, стучу, а вы не открываете... Куда деньги заносить?».

Степа не засмеялся, а наоборот, сразу пригорюнился. Мюс добавила:

– И чем этот анекдот особенно интересен, это тем, что других после него уже не предвидится. Он, так сказать, один на всех, как победа.

– Какой же это анекдот, – вздохнул Степа. – Это жизнь...».⁹

Очень похожим образом говорил о «новых русских» сам Пелевин в уже упоминавшемся интервью (причем задолго до «ДПП»): «Меня интересует скорее этот фольклорный тип, клонирующий себя в реальной жизни, а не настоящие богачи, про которых я мало что знаю». Здесь фольклор важнее самой жизни, о которой автор якобы «мало что» знает.

Сосредоточенность на речи со всеми ее странностями, на ситуациях столкновения противоположностей проявляется в «ДПП», в частности, в том, как автор выстраивает диалоги персонажей, подбирая собеседников, вроде бы предельно не подходящих друг другу: Отличник, Дама с собачкой, Дездемона и др. обсуждают «гламурность» («она произносила «глянцевые» через «х» и с хлопом, так что выходило “хлямцевые”»¹⁰).

Роману «Священная книга оборотня» предпослан иронический комментарий эксперта: «Этот текст не заслуживает, конечно, серьёзного литературоведческого или критического анализа. Тем не менее отметим, что в нем просматривается настолько густая сеть заимствований, подражаний, перепевов и аллюзий (не говоря уже о дурном языке и редкостном инфантилизме автора), что вопроса о его аутентичности или подлинности перед серьезным специалистом по литературе не стоит, и интересен он как симптом глубокого духовного упадка, переживаемого нашим обществом»¹¹.

В романе действительно много цитат, аллюзий, символических образов,

⁹ Пелевин О.В. «ДПП». М. 2003. С.15.

¹⁰ Пелевин В.О. ДПП. М.2003. С.144.

¹¹ Пелевин. В.О. Священная книга оборотня. М. 2005. С.5.

заимствованных из классики. Например, у героини А.Хули образ Михайлыча, полковника ФСБ, вызывает ассоциации с советским героем, изображенным в тихоновской «Балладе о гвоздях» (при этом почему-то героиня приписывает авторство знаменитого стихотворения В.Маяковскому): «Хоть название у КГБ поменялись, кадры остались прежними... Нормального человека после такого удара волновали бы вечные вопросы. А этот думал о телефонных звонках. Как писал Маяковский, гвозди бы делать из этих людей, всем бы в России жилось веселей» (это он потом исправил на «крепче бы не было в мире гвоздей», а в черновике было именно так, сама видела)¹². Моральные качества полковника трактуются иронически, метафора «железный характер», «железный человек» буквально реализуется в романе Пелевина. Конечно, в перепутывании Тихонова с Маяковским, в придумывании стихов вместо тихоновских есть явное презрение к старой поэзии, причем именно к советской. Но Пелевин иронизирует не только над советской классикой. Например, каламбурно обыгрывается символический образ дуба из «Войны и мира»: «На улице был первый день весны. Степа улыбнулся и вдруг почувствовал себя толстовским дубом, старым деревом из «Войны и мира»...Все, что он почувствовал в эту секунду, было совсем как в великом романе, за одним исключением – за прошедшие полтора века русский дуб заметно поумнел»¹³

Конечно, совершенно не зависеть от предшественников Пелевину всё-таки не удастся. Связь со старой классической литературой проявляется не только в ироническом ее обыгрывании, она существует и как прямое влияние на поэтику Пелевина великих старых сатириков (например, Гоголя и Салтыкова-Щедрина). Не случайно А.Генис, говоря о Пелевине, вспоминает очень старые и традиционные жанры: «...что он пишет – это, скорее, проповедь или басня»¹⁴. Один маленький пример. Роман Пелевина включает разнообразные стили и жанры, в повествование могут, например, вклиниваться политические теледебаты, которые ведутся по всем правилам жанра, или стенограмма телефонного разговора, опубликованного в газете как компромат на бизнесмена. Всё это явно подается как оригинальный, особенный ход, между тем в старой русской классической литературе подобное использование документальных жанров было вполне

¹² Там же. С.200.

¹³ Там же. С.116.

¹⁴ Звезда. 1997, № 12.

возможно (например, у Достоевского).

Общеизвестные строчки и образы, видимо, оказываются в одном ряду со стереотипами, не имеющими автора. Такие стереотипы, например, представления иностранцев о поведении и манерах русских, о загадочности «русской души» и т.п., конечно, подвергнуты жестокому осмеиванию (что, замечу, выглядит гораздо менее эпатирующим, чем осмеивание классической литературы). «Почему вы, русские, так мало улыбаетесь? - Нам не надо быть настолько конкурентоспособными, - сказал я мрачно. – Все равно мы нация лузеров»¹⁵. Для определения «русской души» используется гротескный прием овеществления живого (« - А на что похожа русская душа? Я задумалась. – На кабину грузовика»).

Сознание, как и язык, важнее «реальности». Потребность в обсуждении и осмеении чужих слов, ощущение, что мир переполнен чужими словами, от которых сложно избавиться, - всё это, конечно, не очень ново для европейской гуманитарной мысли и очень похоже на позицию Барта или Дерриды. По категоричному мнению Барта, в современных текстах говорит сам язык. А жизнь в классическом тексте «превращается в тошнотворное месиво расхожих мнений и в удушливый покров, созданный из прописных истин». ¹⁶ Но у Пелевина эти восходящие к шестидесятым годам идеи подкреплены специфическим русским опытом, всё это связано для Пелевина с более общим представлением о подчиненности человека (причем в особенности – того, кто еще вчера был советским человеком) чужой воле, давлению власти. Причем для Пелевина важно не то, что власть осуществляет насилие, а то, что человек живет, убежденный в своей зависимости от чужой воли.

Конечно, сам Пелевин не может не осознавать некоторой неоригинальности сквозных идей своего творчества. И, как бы защищаясь от обвинений в такой неоригинальности, он заставляет собственных персонажей говорить об исчерпанности постмодернизма: «Но постмодернизм вообще-то уже давно не актуален.

– Что это такое – постмодернизм? – подозрительно спросил Степа.

¹⁵ Пелевин О.В. Священная книга оборотня. М.2005. С.200.

¹⁶ Барт Р. S/Z. М., 1994. С.227.

– Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла.

– Да? А что актуально?

– Актуально, когда кукла делает деньги»¹⁷.

Книги Пелевина расходятся по России почти миллионами экземпляров. У него есть читатель, а значит, его творчество актуально.

本論文於 2008 年 11 月 8 日到稿，2009 年 5 月 5 日通過審查。

¹⁷ Пелевин. О.В. ДПП. М. 2003. С.61.